

Я. Г. СОЛОДКИН

К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве»

«Новая повесть о преславном Российском царстве» — одно из лучших публицистических произведений Смутного времени. Своеобразие литературной формы и идейная направленность памятника, роднящие его с агитационной патриотической письменностью 1610—1611 гг., давно привлекли к нему внимание исследователей. Однако происхождение «Новой повести» до сих пор выяснено еще недостаточно. В частности, вызывают разногласия датировка и атрибуция произведения.

По традиции, восходящей к С. Ф. Платонову, создание «Новой повести» обычно относили к концу декабря 1610—началу января 1611 г. По мнению С. Ф. Платонова, произведение не могло возникнуть ранее 14 декабря, когда в Москве стало известно о гибели «Вора». Автор «Новой повести» даже не упомянул о Лжедмитрии II, хотя до этого демократическая письменность не обходила молчанием его кандидатуру на царский престол. Такой критерий представляется нам сомнительным. Автор повести, не отрицающий безусловно кандидатуры Владислава,¹ возможно, не хотел и слышать о «Воре» со времени августовского договора 1610 г., если не раньше. «Новая повесть» сообщает о распаде смоленского посольства. По словам автора, большинство послов королю «поклонились и на его волю верились», разъехались в Москву и «по своим местам». Начиная с С. И. Кедрова, открывшего «Новую повесть», в этих словах видят намек на Авраамия Палицына и новоспасского архимандрита Евфимия. Их отпуская пометена 12 декабря (очевидно, старого стиля).² Если даже они уехали в тот же день,³ то вряд ли попали в Москву ранее конца декабря. Так, их предшественники В. Б. Сукин и С. Васильев добирались до сто-

¹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, с. 95.

² См.: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960, с. 194—195; С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 91, примеч. 2; Сборник Русского исторического общества, т. 142. М., 1913, с. 210 (далее: Сб. РИО). Ср.: Сб. РИО, т. 137. М., 1912, с. 15.

Ссылаясь на слова «Новой повести», что «сыновья и богомольцы» Гермогена «приложились» к врагам и творят их волю, И. С. Шепелев по недоразумению говорит об облачении патриархом Палицына по возвращении его из королевского стана (Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 203; И. С. Шепелев. Организация первого земского ополчения в 1611 году. — Учен. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та, Ставрополь, 1949, т. 5, с. 184).

³ См.: С. Кедров. Авраамий Палицын. М., 1880, с. 58—59. С. А. Белокуров ошибочно утверждает, что Палицын и Евфимий уехали из-под Смоленска около 6 декабря (С. А. Белокуров. Предисловие. — Сб. РИО, т. 142, с. XI). В этот день уехали Сукин и Васильев.

лицы семнадцать дней.⁴ Следовательно, никак нельзя принять мнение М. Н. Покровского, относившего создание «Новой повести» к ноябрю—декабрю 1610 г. Вызывают сомнение также утверждения Л. М. Сухотина о том, что повесть написана во второй половине декабря, и взгляд И. М. Катаева, будто ее стали распространять в Москве в декабре.⁵

Согласно С. Ф. Платонову, произведение возникло не позже начала января, ибо умалчивает о народной борьбе против интервентов, принявшей с 1611 г. огромный размах. Однако, как показано Н. Ф. Дробленковой, освободительное движение широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г., о чем хорошо было известно боярскому правительству. Публицист мог сознательно замалчивать это движение из тактических либо политических соображений.⁶ Обосновывая свой взгляд, С. Ф. Платонов ссылался на то, что автор повести укоряет другие русские города примером Смоленска. Но публицист все время называет Смоленск «крепкостоятельным» и пишет, что если бы в России имелись еще такие города, то врагам бы «не было в нашу землю входно»,⁷ т. е. сетует на то, что лишь смоляне оказали упорное сопротивление при вторжении польско-литовских войск.

С. Ф. Платонов был склонен думать, что автор написал свое произведение к святкам, когда в Москву стекалось много народа и повесть могла быть легче распространена. Но произведение, занимающее в списке 19 листов, не могло распространяться; как подметное письмо, оно было рассчитано на строго определенный круг патриотов и передавалось из рук в руки.⁸ «Новая повесть» едва ли даже распространялась близким к Гермогену патриотическим кружком, как считал С. И. Кедров.⁹ Ведь автор пишет, что против оккупантов «не смеют стати» даже немногие враждебные им представители знати, и советует передавать свою повесть только искренним патриотам, хорошо знакомым читателю.

По мнению С. Ф. Платонова, «Новая повесть» соответствует фактической канве так называемой казанской грамоты. Эта грамота, составленная по рассказам дьяка А. Евдокимова между 7 и 9 января, отражает московские события октября—двух первых недель декабря 1610 г.¹⁰ Однако Евдокимов, старательно собиравший данные о преступлениях оккупантов, даже слухи об их злодеяниях (возможное убийство «литвой» восьми стрельцов), не знал о том, что интервенты высылают из столицы русских «людей. . . в воинском чину» и стягивают туда свои силы из других городов, что они решили совсем либо наполовину закрыть ворота московских

⁴ См.: Сб. РИО, т. 142, с. 212. Л. М. Сухотин неверно датирует возвращение С. Васильева первой половиной декабря (Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения. — В кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 344, примеч. 5).

⁵ См.: М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1. М., 1966, с. 398; Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 337, примеч. 1; И. М. Катаев. Смута Московского государства и отражение ее в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1910, с. 44. По Н. П. Долнину, «Новая повесть» создана в конце 1610 г. См.: Н. П. Долнин. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева. (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века). — Науч. зап. Днепропетровского ун-та, Киев, 1954, т. 42, вып. 2, с. 147.

⁶ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 85, 86, 169—173. См. также: Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 321.

⁷ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 191, 193, 196, 197, 199, 204, 207.

⁸ См.: Русская повесть XVII века. Л., 1954, с. 332; Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 92.

⁹ С. Кедров. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912, с. 91.

¹⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 99, примеч. 2. См. также: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 32—33.

«городов» (видимо, Кремля и «Китая»), поставить стражу «у тех утесненных врат».

Казанская грамота ничего не сообщает о том, что король шлет в Москву вести о намерении дать сына «на Московское государство», а оккупанты стреляют из ружей в иконы, за что «сами своих казнят». О таком свято-татстве свидетельствовали «злодейственные» руки, прибитые под «образом».¹¹ В последнем случае, по единому мнению исследователей, автор намекает на дело шляхтича Блинского. Судя по дневнику С. Маскевича, расправа над Блинским произошла в ноябре—декабре 1610 г. К. Буссов же относит ее к 25 января следующего года.¹² Согласно С. Ф. Платонову, автор «Московской хроники» допустил здесь анахронизм. Н. Ф. Дробленкова же считает, что «...на основании имеющихся в „Новой повести“ сведений крайний срок ее создания можно было бы отодвинуть и до начала февраля 1611 г., так как расправу с Блинским. . . некоторые исследователи относят к концу января—первым числам февраля этого года».¹³ В частности, П. Г. Любомиров отдавал предпочтение указанию Буссова перед хронологически неопределенным свидетельством Маскевича.¹⁴ В пользу датировки Буссова говорит заявление Гонсевского на русско-польских переговорах в ноябре 1615 г. Перечисляя случаи собственных расправ над солдатами оккупационного гарнизона, его бывший начальник последним называет дело шляхтича, осквернившего икону у Никольских ворот. Вслед за С. И. Кедровым можно думать, что Гонсевский соблюдает тут хронологическую последовательность.¹⁵ Буссов, судя по его хронике, был очевидцем московских событий февраля—марта,¹⁶ если и не конца января 1611 г. Он рассказывает, что 25 января толпа москвичей пожаловалась оккупационной администрации на то, что «польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников. . . , расточается царская казна, народ обирают, . . . а избранный царь Владислав все равно не приезжает». Москвичи заявили, что раз король не отпускает своего сына, он, очевидно, «собирается опустошать, а не укреплять их землю». Толпа потребовала быстрее приезда Владислава. Гонсевский обещал написать об этом королю, а после казни шляхтича, стрелявшего в икону Богородицы у Сретенских ворот, приказал прочесть народу письмо о скором прибытии королевича и прекращении насилий.¹⁷ Считая этот рассказ правдоподобным, Н. И. Костомаров сомневался в приводимой Буссовым дате, так как числа в его хронике неточны.¹⁸

¹¹ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 194, 195, 198, 205—206, 222—223.

¹² См.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце, ч. II. Изд. 3-е. СПб., 1859, с. 47—48; К. Буссов. Московская хроника. 1584—1613. М.—Л., 1961, с. 181—182, 317—318.

¹³ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 86.

¹⁴ П. Г. Любомиров. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына. (К литературной истории «Сказания»). — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 243—244. У Маскевича путаница в датах обычна (Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 332). Так, гибель Лжедмитрия II (11 декабря) он относит к 24 октября (нового стиля).

¹⁵ См.: Акты, относящиеся к истории Западной России, т. IV. СПб., 1851, с. 478—479 (далее: АЗР); С. Кедров. Жизнеописание. . . , с. 75.

¹⁶ [И. И. Смирнов]. Конрад Буссов и его хроника. — В кн.: К. Буссов. Московская хроника. . . , с. 7, 31.

¹⁷ Этот рассказ повторен Петреем, только он датирует переговоры москвичей с местником 26-м января, а казнь шляхтича — следующим днем и приводит некоторые подробности казни, отсутствующие у Буссова (П. П. де Ерлезунда. История о великом княжестве Московском. Пер. с нем. А. Н. Шемякина. М., 1867, с. 15—17).

¹⁸ Н. И. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия, т. III. СПб., 1868, с. 136.

Буссов не раз допускает хронологические ошибки,¹⁹ однако большинство указанных им дат верно. Далее, только Буссов называет дату присяги Владиславу городов, ранее подвластных «Вору», только он сообщает о столкновении москвичей с оккупантами 13 февраля.²⁰

Рассказ Буссова во многом созвучен свидетельству татищевской «Выписки из истории с начала царства царя Федора Иоанновича...», что до сих пор не было отмечено. По В. Н. Татищеву, 24 января на площади собрался народ, возмущенный «учиненными неправостями», и едва не вступил в бой с поляками. Изменник Салтыков «принудил патриарха народ уговорить...», обещая от поляков предъ лучшие поступки».²¹

Бросается в глаза сходство требований москвичей в передаче Буссова с аргументацией автора «Новой повести», зовущего к восстанию. Только он уже не надеется на приезд королевича и видит, что с насилиями оккупантов может покончить лишь выступление народа.

Итак, можно полагать, что дело Блинского случилось около 25 января 1611 г. В связи с этим необходимо сдвинуть нижнюю границу создания повести, указанную С. Ф. Платоновым.

Как новость автор повести сообщает о том, что оккупанты начали собирать свои силы в Москву, а русских ратников высылают из столицы. Н. И. Тотубалин видит здесь указание на рассылку Жолкевским московских стрельцов в Можайск и Новгород. Но в своем комментарии он опускает слово «ныне», открывающее фразу.²² Тут, конечно, имеются в виду действия не Жолкевского, уехавшего из Москвы 30 октября, а его приемника. В Новом летописце после рассказа о гибели Лжедмитрия II говорится о том, что оккупанты «достальных с Москвы всех ратных людей розослаша».²³ Источники позволяют датировать это событие приблизительно концом января—началом февраля. Согласно ярославской грамоте в Казань (около 4 марта 1611 г.) из столицы в Вологду был направлен «полный приказ» стрельцов (500 человек); не доходя до Вологды, он вернулся в Ярославль, где примкнул к ополчению. 16 февраля в Ярославль писали романовский мурза «с племянники», что к ним приехали «с Москвы достальные романовские татарове».²⁴ Интервентам не удалось рассеять отряды ополчения, некоторые из них двинулись к столице уже в первой половине февраля.²⁵ Изменники были разбиты под Зарайском, а их пред-

¹⁹ К. Буссов. Московская хроника... Комментарий, примеч. 1, 52, 61, 70, 86, 100, 111, 152, 189; ср. примеч. 105, 109, 135, 141, 143.

²⁰ Там же, с. 183, 318—319; Комментарий, примеч. 184. См. также: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951, с. 467, примеч. 2.

²¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. VI. М.—Л., 1966, с. 347. Ученый не сообщает, откуда почерпнул эти сведения. Известно, что многие оригинальные известия Татищева о событиях начала XVII в. восходят к утраченной ныне летописи «о разорении руском», которой историк пользовался и в «Выписке...» (В. И. Корещук и др. «История Иосифа о разорении руском» — летописный источник В. Н. Татищева. — Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 252, 271, 283—285). Отметим, что рассказ Татищева о событии 24 января производит впечатление вставки. Перед этим рассказом говорится о письме бояр смоленским послам, а после него читаем: «Король же, получа сие от 17 генваря боярское письмо...».

²² Русская повесть... с. 334, 342, примеч. 17. По утверждению исследователя, читателям «Новой повести» не было известно о поведении Андропова (там же, с. 333, 336). Но автор говорит о нем иносказательно, зная, что будет прекрасно понят. Андронов, прибывший в Москву еще в августе, сразу обнаружил себя как изменник (ПСРЛ, т. XIV. М., 1965, с. 103; Сборник Муханова. Изд. 2-е СПб., 1866, с. 305). Судя по казанской грамоте, его имя к началу 1611 г. сделалось символом предательства.

²³ ПСРЛ, т. XIV, с. 105; ср. с. 102, 103.

²⁴ СГГД, ч. II. М., 1819, с. 513, 519. О возвращении стрельцов в Казань, очевидно, узнали через месяц после их выступления из Москвы. Поездка же из столицы в Романов и «обсылка» с ярославцами заняли минимум полторы—две недели.

²⁵ Н. И. Костомаров. Смутное время... т. III, с. 121. Месяцем раньше Гонсевский, бояре и король просили гетмана Сапегу выступить против Ляпунова

водитель И. Сунбулов «сам едва бегом в Москву спасся». Судя по «Истории» Авраамия Палицына, особенно тягостное впечатление произвел на оккупантов разгром их сил у Владимира (11 февраля).²⁶ Не тогда ли Гонсевский приказал интервентам сосредоточиваться в Москве, чтобы не быть разбитыми по частям?²⁷

Исследователи уже отметили уникальное свидетельство «Новой повести» о намерении оккупантов совсем или наполовину закрыть ворота столичных «городов». ²⁸ В этой связи любопытно указание Буссова, что после событий 25 января Гонсевский принял дополнительные меры предосторожности, выставив у ворот на круглые сутки сильную стражу.²⁸

Автор «Новой повести» уверяет, что оставшихся под Смоленском «великих» послов мроят голодом, король грозит им пленом. Вспомним, что на посольском съезде 30 января поляки велели русским представителям ехать в Вильно к королевичу (фактически в плен), а 1 февраля митрополит Филарет заявил панам, что русские послы «все проели», поскольку несколько месяцев не получают королевского жалованья и «подмоги». В ответ поляки вновь велели русским собираться в Вильно. В феврале же король сообщил «седмочисленным» боярам, что послам запрещено сноситься со Смоленском и впредь не будет посольских съездов.²⁹

Указанные хронологические реалии «Новой повести» наводят на мысль, что автор писал едва ли ранее февраля, но, конечно, до «московского разорения» 19 марта 1611 г. При такой датировке становится понятной двукратная ссылка публициста на Троицу. Надо думать, что тогда монастырские власти скрытно противодействовали замыслам интервентов.³⁰

В февральской (1611 г.) грамоте московскому правительству Сигизмунд III сетовал на то, что его недоброжелатели «пишут и сказывают» о нем и королевиче «от злосердия и неправды». ³¹ На этом основании С. Ф. Платонов высказал предположение о знакомстве короля с «Новой повестью». ³² Но в февральском «листе» читаем, что враждебные Сигизмунду и Владиславу письма адресованы правителям-боярам; повесть же обращена к патриотам. Слова короля перекликаются с заявлением «радных панов» от 9 июня 1613 г., что князь В. В. Голицын из-под Смоленска посылал в Москву, Рязань и другие города «неправдивые грамоты». Русские люди вняли «прельщению» Голицына и «иных многих людей лихих».

(СГГД, ч. II, с. 498, 508; Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. Изд. 2-е. СПб., 1871, Приложения, стб. 109—110, 113).

²⁶ В. Н. Татищев. История Российская, т. VI, с. 348; Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955, с. 213.

²⁷ История Москвы, т. 1. М., 1952, с. 334—335; Русская повесть. . . , с. 337, 342—343, примеч. 21.

²⁸ К. Буссов. Московская хроника. . . , с. 182, 318. Ср.: В. Н. Татищев. История Российская, т. VI, с. 347. Известие «Новой повести» косвенно подтверждается свидетельством Буссова о том, что, когда москвичи потребовали выдать изменников, полковник Борковский запретил своим солдатам запираить ворота Кремля и приказал самим ждать нападения (К. Буссов. Московская хроника. . . , с. 185, 320).

²⁹ Сб. РИО, т. 142, с. 219, 226; Н. И. Костомаров. Смутное время. . . , т. III, с. 164, 166. В ярославской грамоте в Казань говорится, что король «послов засадил» (СГГД, ч. II, с. 518). См. также: ПСРЛ, т. XIV, с. 107.

³⁰ С. Кедров. Авраамий Палицын, с. 63.

³¹ Сб. РИО, т. 142, с. 218. Эти слова почти буквально повторены еще в двух грамотах (там же, с. 222, 226, 236, 238).

³² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 95. В. П. Адрианова-Перетц, А. А. Назаревский, Н. Ф. Дробленкова разделяют это предположение. В. О. Ключевский же писал о признании королем силы русской патристической письменности (В. О. Ключевский. Сочинения, т. VII. М., 1959, с. 441).

Аналогичные сведения находим в мемуарах Жолкевского, Краевского, Стадницкого, а также у В. Н. Татищева.³³

Большинство исследователей «Новой повести» ищут ее автора среди приказных и служилых людей. С. Ф. Платонов попытался установить и личность автора. По его предположению, повесть мог написать «дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь».³⁴ С поддержкой этой гипотезы выступили П. А. Садиков и А. А. Назаревский, причем первый придал ей утвердительную форму.³⁵ Остальные исследователи не решились разделить предположение С. Ф. Платонова, а Н. Ф. Дробленкова открыто усомнилась в этой атрибуции, так как связанный с Троицей «автор вряд ли упустил бы возможность напомнить о героизме защитников монастыря».³⁶ Героизм, правда, был проявлен троицкими «сидельцами» в борьбе с тушинцами, Владиславу же монастырь был верен по крайней мере до конца 1610 г. Так, 16 октября Жолкевский сообщил королю о признании Троицей новой власти, а 19 декабря по грамоте Владислава начался дозор монастырских вотчин в Углицком уезде. Под Смоленском троицкий келарь добился подтверждения владельческих прав монастыря и даже уехал к Москве «богомольцем» короля.³⁷ Автор повести, несомненно, был как-то связан с Троицей,³⁸ но в своем произведении не нашел возможным распространяться о патриотических заслугах обители. Это притупило бы публицистическую направленность памятника.

С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский ссылаются на то, что среди приверженцев царя Василия Елизаров считался «злым шептуном», «еретиком», которому «и еретики. . . приказаны». Далее, по указам короля он лишился места в Новгородской чети.³⁹ Небезопасное положение и могло якобы побудить его к бегству в Троицу. С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский пишут, об этом бегстве со ссылкой на Житие Дионисия. Но И. В. Шевелев (Наседка), один из авторов Жития, сообщает о бегстве чернеца Елизарова из Троице-Сергиева монастыря на Соловки, причем после «московского разорения». Тогда он сам «прибрел» к Троице⁴⁰ и, следовательно, едва ли мог допустить ошибку. Согласно Житию, накануне пострижения Елизаров служил в Приказе Казанского дворца. По документам же он известен лишь как дьяк Новгородской и Галицкой четей, а также приказа Большого дворца.⁴¹ На Соловках Елизаров очутился около 1616—1617 гг., когда Дионисий обратился к бывшему дьяку.⁴² Гипотеза С. Ф. Платонова

³³ См.: СГГД, ч. III. М., 1822, с. 61—62; ср.: ч. II, с. 572, 574, 576; Записки гетмана Жолкевского. . . , с. 115; Дневник Мартына Стадницкого, ч. II, III. — Русский архив. М., 1906, № 6, с. 202; И. С. Шевелев. Организация перевозимого ополчения в 1611 году. — Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та, Ставрополь, 1951, т. 6, с. 214; В. Н. Татищев. История Российская, т. VI, с. 345.

³⁴ С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937, с. 365, 466, примеч. 200.

³⁵ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, с. 412; А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958, с. 40—41, 149.

³⁶ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 87, примеч. 16.

³⁷ См.: РИБ, т. I. СПб., 1872, стб. 685, ср. стб. 661; С. Кедров. Авраамий Палицын, с. 57—58; ГБЛ, ф. 303, № 571, л. 96 и след.

³⁸ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 163, примеч. 174.

³⁹ АИ, т. II. СПб., 1841, с. 367; АЗР, т. IV, с. 373, 392.

⁴⁰ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , с. 300.

⁴¹ См.: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, с. 39, 92—93, 252; С. Б. Веселовский. 1) Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, Прил., с. 100; 2) Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 140.

⁴² Житие преподобного отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1908, с. 40. Судя по троицким синодикам, Елизаровы

противоречит заявлению публициста, что он «ко врагам прилепился... для ради суетная сея славы и тленного богатства», «у них ныне зело пожалован», хотя это и подобные высказывания концовки повести можно рассматривать не как литературный вымысел, а искреннюю исповедь автора.⁴³ Начиная и заканчивая свое произведение, он ссылается на «великих чудотворцев, иже у нас в Троице преименитых и всех святых». Надо думать, однако, что «Новая повесть» появилась в Москве. А. А. Назаревский не исключает того, что упоминания о монастыре принадлежат троицкому переписчику.⁴⁴ Эта догадка представляется нам сомнительной, ибо «великие чудотворцы» пять раз фигурируют в повести без ссылки на Троицу.⁴⁵ Скорее верно другое мнение исследователя: указания на «дом Сергия чудотворца» сделаны автором-москвичом, связанным с монастырем. Об этой связи свидетельствует и состав сборника, в котором находится повесть. Она помещена между «Сказанием, киих ради грех» (первая редакция начальных глав «Истории» Авраамия Палицына) и челобитной троицкого старца Арсения Глухого боярину Б. М. Салтыкову, за которой следует «Утешительное послание» Палицына Дионисию. По утверждению Н. Н. Розова, в XVII в., когда возник сборник, «Новая повесть» рассматривалась «в церковно-полемиическом аспекте», как произведение, посвященное борьбе с «латинством». Такой отнюдь не демократической направленностью повести в сознании ее первых читателей исследователь склонен объяснить тот факт, что произведение не получило распространения. Ведь после Смуты литературные памятники гибли не столь часто, как раньше.⁴⁶ «Новая повесть», однако, возникла в канун «московского разорения», в огне которого могли погибнуть оригинал и немногочисленные списки (если даже не список). Далее, призыв повести к восстанию скоро нашел широкий отклик, почему стало излишне распространять ее.⁴⁷ «Сказание, киих ради грех» и «Утешительное послание» известны сейчас только в двух списках,⁴⁸ т. е. тоже не обрели популярности. Оба этих произведения никак нельзя расценить как церковно-полемиические. В рукописи, содержащей

были тесно связаны с монастырем (ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 29 об.; ф. 304/II, № 76, л. 20 об.). Неудивительно и то, что из Троицы Елизаров поехал на Соловки. Сближение двух монастырей прослеживается с конца XVI в. Соловецкий старец Исадор стал тогда троицким келарем, а затем игуменом на Соловках; Илья Соловецкий был троицким казначеем и келарем, после чего вернулся «на свое обещание». Акакий Грозный, троицкий келарь в 1599/1600—1600/1601 гг., в следующем году управлял хозяйством на Соловках. Оттуда вышло и трое ближайших преемников Палицына, соловецкого постриженника (см.: С. А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888, с. 8, 64, 77; ЛОИИ, к. 2, № 150, л. 91 об.; № 151, л. 9 об.—11; к. 238, оп. 1, № 334, л. 91 об., 175 об.—176 об.; ГБЛ, ф. 303, № 530, л. 256 об., 752 об., 1456, и др.).

⁴³ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть..., с. 164—165, 208, 209.

⁴⁴ А. А. Назаревский. Очерки..., с. 32. См. также: Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть..., с. 88, 189, 209.

⁴⁵ Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть..., с. 202—204, 208.

⁴⁶ Н. Н. Розов. Зачем, кому и какая рукописная книга нужна была в России XVI—XIX столетий. — ВИ, 1970, № 6, с. 213. М. В. Кукушкина объясняет непопулярность повести в севернорусских монастырских библиотеках тем, что по своей антибоярской направленности и тематике она была запретной для широкого чтения (М. В. Кукушкина. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977, с. 148). Однако, как показано Н. Ф. Дробленковой, «Новую повесть» нельзя считать антибоярским произведением. Наличие же в монастырских библиотеках «Истории» Авраамия Палицына, Повести о Смуте, приписываемой Катыреву-Ростовскому, «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», Нового летописца, сборника с записью о взятии Москвы в 1610 г. (там же, с. 43, 103—104, 107, 109, 139, 146, 147, 149) обнаруживает живой интерес к истории борьбы с польско-литовскими оккупантами.

⁴⁷ П. Г. Любимов. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, с. 129—130.

⁴⁸ См.: П. Г. Любимов. Новая редакция..., с. 228—234; С. Кедров. Авраамий Палицын, Прил. Б, с. 195—202.

единственный список «Новой повести», насчитывается 68 отдельных сочинений и отрывков. Среди них есть памятники церковно-назидательного и церковно-исторического характера. Список повести, как и «Сказания, кних ради грех», был сделан, вероятно, в 20—30-х гг. XVII в.⁴⁹ Само название «Новой повести» — новой по сравнению со «Сказанием» — показывает, что составителя сборника интересовала и фактическая сторона изложения. Он рассматривал повесть как произведение троицкой литературной школы, посвященное «преславному Российскому царству». Между тем, если верить Палицыну, Елизаров был одним из инициаторов оскудения троицкой казны в начале 1610 г., вызвавшего шумный ропот в монастыре и осуждение москвичей, близких к «Сергиеву дому».⁵⁰

Таким образом, характеристики автора «Новой повести», вытекающие из ее содержания, вовсе не «сходятся» с данными об Елизарове, как думают С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский. К тому же сохранилась обширная переписка Елизарова как дорожного пристава при иранском посольстве 1600—1601 гг.⁵¹ Сравнение ее с «Новой повестью», близкой к деловой письменности, заставляет скептически отнестись к гипотезе С. Ф. Платонова.

Имеющиеся в нашем распоряжении биографические данные об Елизарове не оставляют сомнений в том, что он не мог написать «Новую повесть».

Согласно боярскому списку 1610/1611 г. Елизаров служил в Сибири.⁵² По наблюдениям Л. М. Сухотина, этот список в первоначальном виде возник в сентябре—первой половине октября 1610 г. Пометы о местопребывании многих лиц, за небольшими исключениями, сделаны в ноябре, позже некоторые из них были исправлены.⁵³ Мы не располагаем данными о сибирской службе дьяка Елизарова.⁵⁴ Но вспомним, что согласно Житию Дионисия он был в приказе Казанского дворца. Этот приказ ведал тогда и Сибирью.⁵⁵ Итак, можно полагать, что в момент написания «Новой повести» Елизарова не было в столице.

М. Н. Покровский отождествлял автора «Новой повести» с создателем «Сказания, кних ради грех», поскольку оба якобы были близки к буржуазии, не прибегали к провиденциалистскому объяснению событий и пользовались рифмованной прозой.⁵⁶ Последняя, однако, типична для лите-

⁴⁹ См.: О. А. Державина. Археографический обзор. — В кн.: Сказание Авраамия Палицына, с. 71; Н. Ф. Дробленкова. Новая повесть. . . , с. 210—211.

⁵⁰ Сказание Авраамия Палицына, с. 203, 204. В указателе к «Истории» Елизаров ошибочно назван слугой Троицкого монастыря (там же, с. 337).

⁵¹ См.: Н. И. Веселовский. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II. СПб., 1892, с. 119 и след.; ЦГАДА, ф. 77, оп. 1, 1600—1601, ед. хр. 1, 2. Отметим, что в своих «Очерках. . . » С. Ф. Платонов широко пользовался изданием Н. И. Веселовского.

⁵² В. Н. Сторожев. Материалы для истории русского дворянства, вып. II. М., 1908, с. 91, см. также с. 97. Интересующий нас отрывок боярского списка в издании Н. П. Лихачева (Боярский список 7119—1611 года. — Сборник Археологического ин-та, кн. 6. СПб., 1898, с. 92—111) был использован в «Очерках. . . » С. Ф. Платонова, но сообщение о Елизарове не привлекло его внимания.

⁵³ Л. М. Сухотин. К вопросу о причастности. . . , с. 344—345. П. А. Садиков писал, что Елизаров оставил Новгородскую четь осенью 1610 г. (П. А. Садиков. Очерки. . . , с. 413).

⁵⁴ В конце 1610—1612 гг. воеводой Кетского острога в Сибири был Григорий Федорович Елизаров. (См.: Акты времени междоусобия (1610 г. 17 июля—1613 г.). Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябикина. М., 1915, с. 3, 46, 48, 50, 61; Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, Прил., с. 436—441). Он являлся кетским воеводой и в 1608—1609 гг. (СГГД, ч. II, с. 384, 385; Акты времени правления царя Василия Шуйского. Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914, № 57, 64—66), по чему следует различать Г. Ф. Елизарова — дьяка и Г. Ф. Елизарова — кетского воеводу. Ср.: И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, с. 530.

⁵⁵ История Сибири, т. II. Л., 1968, с. 124.

⁵⁶ М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1, с. 351, 398.

ратуры Смутного времени. Коренные рифмы и рифмоиды, не говоря уже о суффиксально-флективных рифмах, встречаются не только в «Новой повести» и у Палицына,⁵⁷ но и в повести о временах Бориса Годунова, Лжедмитрия I и восстания Болотникова, использованной в Ином сказании,⁵⁸ в «Повести како отомсти...» и «Повести како восхити...», «Плаче о пленении и о конечном разорении Московского государства». Если принадлежность автора «Новой повести» к посадской верхушке не исключена, то это едва ли можно сказать о написавшем «Сказание». Палицын ставит купцов на сословной лестнице непосредственно перед «чернью» и негодует по поводу их чрезмерного обогащения.⁵⁹ Далее, троцкий келарь вовсе не чужд провиденциализма. Укажем хотя бы на трактовку им причин стихийного бедствия, предшествовавшего голоду 1601—1603 гг., и восстания против Самозванца.⁶⁰ Автор «Новой повести» тоже не расстаётся с мыслью о Смуте как божественном возмездии за грехи общества.⁶¹

Скорее всего, как и думал С. Ф. Платонов, автора повести следует искать среди приказных. В боярском списке 1610/1611 г. перечислено более 30 дьяков, служивших в Москве. Насколько нам известно, из них только Марк Иванович Поздеев ранее был связан с Троицей. 1 июля 1609 г. Кузьма Биликей писал ему из осажденного монастыря об отражении приступа тушинцев и просил одолжить денег для своей жены.⁶² Сын дьяка, Поздеев в 1604 г. служил в Разряде, а в марте 1610 г. мы застаем его в Посольском приказе. Есть известие, что «Марко в разруху и с книгами изгиб». С. Б. Веселовский не исключает того, что тут допущена ошибка или имеется в виду другой Марк.⁶³ Но нам неизвестен другой сколько-нибудь заметный приказный начала XVII в. с таким именем. Слова о гибели Марка, видимо, не следует понимать буквально. Так, в 1604 г. крестьянин К. Рышков заявил в «расспросе», что при ограблении И. Иванова «сам де есми изгиб».⁶⁴ Некоторые челобитчики писали, что «вконец погигли». Челобитные начала XVII в. вообще пестрят формулой «вконец погиг» («погинул», «загинул», «загиб»)⁶⁵ Обращает на себя внимание то, что Марк пропал с «книгами». Согласно следственному делу Андропова, Поздеев уехал из столицы в «разоренье», не отчитавшись в казне (видимо, по прихотню-расходным книгам, ибо он ведал «государевой продажной казной»,

⁵⁷ Вслед за М. Н. Покровским «Сказание, кних ради грех» отказались приписать Палицыну В. П. Адрианова-Перетц и О. А. Державина, а затем и ряд других исследователей. Однако сколько-нибудь серьезных оснований для сомнения в авторстве келаря не имеется. См.: Ю. К а ш к а р о в. Кто был автором первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына? — Филологические науки, 1964, № 4, с. 111—117.

⁵⁸ А. М. П а н ч е н к о. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 23 и др.

⁵⁹ Сказание Авраамия Палицына, с. 259, 261, ср. с. 102, 111. На это обратил внимание сам М. Н. Покровский (М. Н. П о к р о в с к и й. Избр. произв., кн. 1, с. 324, 362). О. А. Державина, разделяющая мысль о посадской идеологии «Сказания», даже не пытается обосновать ее.

⁶⁰ Сказание Авраамия Палицына, с. 253, 265. См. также: Я. Г. С о л о д к и н. Авраамий Палицын — русский политический деятель и публицист начала XVII в. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1978, с. 9, 17—18.

⁶¹ В. И. П и ч е т а. Смута и ее отражение в трудах историков. — Голос минувшего, 1913, № 2, с. 7.

⁶² ЛОИИ, к. 24, оп. 1, № 347. Поздееву самому в это время жилось несладко. На следствии по делу Андропова в 1613 г. дьяк должен был признать, что тот ссужал его хлебом и вином (Акты времени междоусобств... , с. 79, ср. с. 76, 78).

⁶³ РИБ, т. II. СПб., 1875, стб. 236; С. Б. В е с е л о в с к и й. Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 418, примеч. 443.

⁶⁴ В. И. К о р е ц к и й. Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975, с. 215, примеч. 69. Последнее слово реконструировано автором.

⁶⁵ См.: Л. М. С у х о т и н. 1) Четвертчики Смутного времени (1604—1617). — ЧОИДР, 1912, кн. 2, с. 195, 197, 206, 234, 235, 245, 252 и др.; 2) Первые месяцы цар-

она была «у Марка на руках за его печатью».⁶⁶ Публицист обвиняет Андропова в том, что он грабит царскую ризницу, посылает королю такие сокровища из государственной казны, которые «неведомы и незнаемы» автору.⁶⁷ Последний тем самым указывает на свою осведомленность в финансовых делах, даже причастность к ним. Если вспомнить о Поздееве, обнаруживается совпадение.

По заявлению Поздеева, он знал Андропова еще по службе в Посольском приказе, когда тот был «мужик». Автор «Новой повести» тоже презрительно отзывается о социальном происхождении Андропова. Он передает слух, что изменник — из смердов, утверждает, что Андронов вышел не из боярских или дворянских родов (дворяне им выделены особо). Отметим, что у Поздеева во время службы при оккупантах были в подчинении дворяне,⁶⁸ а сам он происходил из дворянского рода.⁶⁹

Если верить Андропову, на Марка «нанос бывал многой Гасевскому, и он его берег». В повести же говорится, что враги везде имеют своих доносчиков. Андронов показал, что после низложения Шуйского Поздеева хотели «в рухляди пытать, и он его отнял».⁷⁰ Публицист, как известно, резко осуждает «седмочисленных» бояр. Возможно, это осуждение вызвано и личными мотивами автора.

Поздеев, однако, признался на очной ставке, что был дружен с Андроновым, ел и пил с ним, хотя и не обещал деньги «федькину» посланцу Г. Фонарнику в Костроме в начале 1613 г.⁷¹ Автор «Новой повести» люто ненавидит предателя. Но в концовке произведения он сам расписывается в нерешительности и малодушии: он думал иначе, чем действовал. Поздеев мог «внешне» дружить с не раз выручавшим его Андроновым, но в душе негодовать против изменника. Недаром при удобном случае он покинул Москву и пристал к Первому ополчению. Судя по всему, автор «Новой повести» был близок к Гермогену и хорошо знал его положение.⁷² Заслуживает внимания то обстоятельство, что Поздеев знал старца Чудова (т. е. патриаршего) монастыря Марка Константинова.⁷³

ствования Михаила Федоровича. (Столпцы Печатного приказа). — Там же, 1915, кн. 4, с. 1, 7, 10, 16 и след., 90, 94; В. И. К о р е ц к и й. Актовые и летописные материалы о восстании И. И. Болотникова. — Советские архивы, 1976, № 5, с. 51—53 и др. В документах того времени обычно и выражение «убили до смерти». А. Б. Трунов и А. Маслов жаловались царю, что разбойники и литовцы ранили и их бросили «замертва» (Л. М. С у х о т и н. Первые месяцы. . ., с. 174; Масловский архив, вып. 1. 1569—1631 гг. — ЧОИДР, 1916, кн. 2, с. 119).

⁶⁶ Акты времени междоусобия. . ., с. 77. И позже, служба в Разряде, Поздеев вел приходно-расходные книги государственной денежной казны (Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. X. М., 1896, с. 54, 55).

⁶⁷ Н. Ф. Д р о б л е н к о в а. Новая повесть. . ., с. 207.

⁶⁸ Акты времени междоусобия. . ., с. 77, 78. Одно из показаний Поздеева на следствии (о его связях с дьяком Г. Клобуковым) подтверждается документально (Описание документов и бумаг. . ., кн. XVII. М., 1912, с. 227).

⁶⁹ В. Р. [В. В. Р у м е л ь]. Поздеевы. — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза—И. А. Ефрона, т. XXIV. СПб., 1898, с. 186. Автор ошибочно называет Поздеева Марком Мартемьяновичем.

⁷⁰ Акты времени междоусобия. . ., с. 76, 79.

⁷¹ Там же, с. 78, 80. Серьезной вины за Поздеевым, очевидно, не наши (П. Г. Люб о м и р о в. Очерки истории нижегородского ополчения. . ., с. 265).

⁷² Н. Ф. Д р о б л е н к о в а. Новая повесть. . ., с. 126, примеч. 177. Встречаемый в повести образ «народ-море» имеется и в патриаршей грамоте к Сигизмунду III от сентября 1610 г. (Сборник Мухомова, с. 183). Ср.: СГГД, ч. II, с. 447; Сказание Авраамия Палицына. . ., с. 179, 206.

⁷³ Акты времени междоусобия. . ., с. 93, 94. Род Поздеева записан в синодике Успенского собора, клир которого близко стоял к патриаршей среде.

Автор «Новой повести» уверяет, что женат и имеет детей. У Поздеева был сын Иван; в одной челобитной 1634/1635 г. упомянуты помещики «Марковы дети Поздеева».⁷⁴

Можно предполагать, что Поздеев был не чужд литературных занятий. А. М. Панченко обратил внимание на стихотворное послание некоего Ермолая Азанчеева Марку Ивановичу, которое относится к приказной школе поэзии 30—40-х гг. XVII в. Не Поздеев ли был адресатом этой «Епистолейцы»? Другой приказный этого времени с таким именем и отчеством неизвестен. Судя по акrostиху послания, Азанчеев бьет челом «господарю Марку Ивановичю». Какой-нибудь мелкий приказный вполне мог так обратиться к влиятельному дьяку. Он пишет: «... с радостию приях твое прежнее ко мне начертание»; это позволяет думать о продолжительной переписке и признать ее стихотворный элемент привычным.⁷⁵

В «московское разорение» многие жители столицы, спасаясь от оккупантов, бежали в Троицу.⁷⁶ Среди них, видимо, были и патриоты-приказные. Так, в апреле 1611 г. король писал боярам, что некоторые дьяки, целовавшие крест Владиславу, «побежали с Москвы в воровство к Ляпунову и иным изменником».⁷⁷ Поздеев, оставивший столицу «в разруху», 30 июня подписался на земском приговоре, т. е. стал в ополчении заметной фигурой. Примкнувший к освободительной рати, возможно, еще весной, Поздеев служил в одном из приказов подмосковных «таборов», а затем был послан боярами-воеводами в Кострому. В начале 1612 г. в Москве стало известно о том, что костромичи «отстали» от «воров» и верны королевичу. Спустя два месяца костромской воевода И. П. Шереметев и его «советники» не захотели пустить в город силы Второго ополчения. Так как в Костроме вместе с воеводой сменили и дьяка, возможно, Поздеев тоже не пожелал «быти в совете» с ополченцами.⁷⁸ Автор «Новой повести», еще не избавившийся от сомнений, замалчивает развернувшуюся в стране освободительную борьбу. Возможно, это связано с тем, что в целом публицист не был согласен с «земской» программой. «В разруху» Поздеев порвал с интервентами, но в Костроме недавнее прошлое дало себя знать.

Приведенные данные, конечно, недостаточны для того, чтобы приписать «Новую повесть» Марку Поздееву. Тем не менее допустимо предполагать, что в начале 1611 г. он тайно решил призвать москвичей к восстанию против польско-литовских интервентов и русских изменников.

⁷⁴ С. Б. Веселовский. Дьяки и подьячие XV—XVII вв., с. 418, 419; Историко-юридические материалы, вып. 1. М., 1889, с. 109. Кроме того, в родословной книге 1646/1647 г. указан «недоросль Матвей Марков сын Поздеев» (С. А. Белокуров. Несколько новых родословных данных (женские имена за 7142—7155 гг.) — ЧОИДР, 1909, кн. 1, смесь, с. 43).

⁷⁵ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура. . . , с. 49. М. Поздеев последний раз фигурирует в документах 31 апреля 1644 г. (С.К. Богоявленский. Приказные судьи. . . , с. 140). О Е. Азанчеве см.: С. Белокуров. Арсений Суханов. М., 1891, ч. I, с. 424—425.

⁷⁶ См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 350; П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.—Л., 1947, с. 282.

⁷⁷ АЗР, т. IV, с. 406.

⁷⁸ Сб. РИО, т. 142, с. 289—292; ПСРЛ, т. XIV, с. 118—119. Помимо указанных материалов о Поздееве также см.: П. Г. Любомиров. Очерк истории нижегородского ополчения. . . , с. 265—267; В. Н. Сторожев. Материалы. . . , вып. II, с. 19, примеч. 74, 85; Масловский архив, вып. 1, с. 93, 125; Историко-юридические материалы, вып. 1, с. 68; Кормленная книга Костромской чети. 1613—1627. Сообщил А. Н. Зерцалов. СПб., 1894, с. 21 (по указателю); Разрядные книги 1598—1638 гг. М., 1975, с. 277, 310—311. Вопреки утверждению П. Г. Любомирова, что с марта 1612 г. до ареста по делу Андреева Поздеев жил в Костроме, он приезжал в Москву сразу после ее освобождения (Акты времени междоусобицы. . . , с. 77—79).